

ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВ
ВИКТОР ХОРОШУЛИН

Хвост ящерицы

ТАЙНА РУССКОГО КЁНИГСБЕРГА

Виктор Хорошулин

**Хвост ящерицы. Тайны
русского Кёнигсберга**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Хорошулин В.

Хвост ящерицы. Тайны русского Кёнигсберга /
В. Хорошулин — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Роман написан совместно Валерием Сергеевым и Виктором Хорошулиным. Во время Семилетней войны столица Восточной Пруссии, город Кёнигсберг, 4 года находился в составе Российской империи. Им руководили генерал-губернаторы, одним из которых был отец великого полководца Василий Суворов. В те времена в Кёнигсберге действовала масонская ложа "Три короны", чья деятельность подчинялась прусскому королю Фридриху. Тайные масонские заговоры велись в те времена, в том Кёнигсберге, ведутся они и в наше время...

© Хорошулин В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ I.	7
Глава 1.	7
Глава 2.	14
Глава 3.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерий Сергеев Виктор Хорошулин ХВОСТ ЯЩЕРИЦЫ. ТАЙНЫ РУССКОГО КЁНИГСБЕРГА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2004 году на Северном молу города Балтийска открылся историко-культурный комплекс «Елизаветинский форт», центральной фигурой которого стал поражающий своей мощью и великолепием четырнадцатиметровый медный памятник императрице Елизавете Петровне работы скульптора Г.В. Франгуляна. Российская государыня изображена верхом на гарцующем коне, в платье полковника лейб-гвардии Преображенского полка. Её гордый взгляд устремлён навстречу всем ветрам и штормам, вдаль Балтийского моря. *Данное изваяние даже выше, чем памятник Петру I в Санкт-Петербурге.* Величественный комплекс был сооружён здесь, на самом западе Великой России в ознаменование побед русской армии в Семилетней войне и присоединения Восточной Пруссии к Российской империи. Место для него выбрано не случайно, ведь все корабли, входящие в Калининградский залив и порт, проплывают рядом с этим местом, и Елизавета Петровна своей правой рукой приветствует морские суда и приглашает их в свои владения...

Так о чём хочет нам рассказать медная статуя царицы? Наверное, о том, как в январе 1758 года, русские войска под всеобщее ликование немецкого населения вступили на празднично украшенные улицы Кёнигсберга. После такого триумфа Манифестом императрицы Елизаветы от 6 (19) марта 1758 года российским генерал-губернаторам Восточной Пруссии предписывалось: «среди самой войны пещись сколько можно о благосостоянии невинных худому своему жребию земель, потому торговлю их и коммерцию не пресекать, но защищать и вспомошествовать». Государыня поведала бы и о том, что после вхождения в Кёнигсберг последовало славное для русского оружия сражение при Кунерсдорфе, взятие Берлина и Кольберга...

Прусский король Фридрих II никогда бы не вышел с честью из сложившейся ситуации, если бы не вступивший на российский престол в декабре 1761 года император Петр III, самовольно вернувший Фридриху все земли, занятые русскими войсками. К этому времени Восточная Пруссия уже почти четыре года была частью России и глубоким тылом русской армии...

Таким образом, два с половиной столетия назад Восточная Пруссия имела все шансы навсегда остаться одной из провинций Российской Империи. И не случилось бы тогда катастрофы 1914 года под Танненбергом, и не пришлось бы нашим солдатам штурмовать здесь укрепрайоны нацистов в 1945-м, потому что сама милитаристская мощь Германии, послужившая причиной двух мировых войн, вряд ли была бы возможна без обладания Восточной Пруссией. Но сколь часто наши правители пускали по ветру плоды русских побед, чтобы потом собирать их по крупицам, вновь оплачивая русской кровью!

Вот о чём нам следует помнить.

Итак, мы отправляемся в Кёнигсберг времён Семилетней войны, когда генерал-губернатором Восточной Пруссии был Василий Иванович Суворов, отец знаменитого полководца. В городе было полно шпионов Фридриха II, действовала масонская ложа, которая подчинялась ложе, руководимой самим прусским королём («Три глобуса»). Как здесь не родиться

зловещему заговору? Многие историки, описывая те времена, не могут обойти стороной факт посещения Александром Суворовым масонской ложи «Три короны», и тут же «записали» его в масоны. Правда, потом недоумевали: как мог истинный патриот, глубоко православный человек, «природный русак» опуститься до общества «вольных каменщиков»?

Мы отвечаем и на этот вопрос.

О русском Кёнигсберге и периоде правления губернатора Василия Ивановича Суворова, о «масонстве» Александра Суворова и готовящемся здесь покушении на жизнь императрицы Елизаветы Петровны, а также о планах и масштабах масонства сегодня – наша книга.

ЧАСТЬ I. ОРДЕН «ЧЁРНОГО ОРЛА»¹

Глава 1. Профессор Альбертины и губернатор Пруссии

Недобрый январский ветер уныло завывал в трубах домов на северном берегу Прегеля, в районе Кёнигсберга, называемом Альтштадт. Зима, наконец, собралась с силой и устроила настоящий шторм древнего города. Позёмка шипящими белыми змеями струилась по узким улочкам. Печально поскрипывая, раскачивались масляные фонари, птицы попрятались под островерхими крышами зданий, кошки и собаки забились в тёплые закутки дворов. Прегель «надел» ледяные доспехи, поверх которых «накинул» белый рыцарский плащ.

Поздним вечером 15 января 1761 года в дверь дома 7 на улице Хлебных лавок настойчиво постучали. Пожилой слуга профессора Майбаха Петер Вурст испуганно заинтересовался, кого принесла нелёгкая на порог их жилища в столь неурочный час.

— Здесь ли проживает профессор медицины Пауль Майбах? — слышалось в ответ.

Через минуту старый Петер тормозил своего, уже успевшего надеть ночной колпак, господина.

— Герр профессор, к вам русские! Офицер и два солдата!

— Передай, что я сейчас оденусь и спущусь к ним, — ответил Майбах, будучи уверен, что очередной недуг сразил кого-то из представителей новых властей и без его помощи, как обычно, обойтись было невозможно.

Третий год Кёнигсберг находился в руках русских², восточная часть королевства Прусского присягнуло на верность Российской империи и имело своего губернатора — ставленника Санкт-Петербурга. Как выяснилось позже, прибывшие военные были как раз от него — Члена Военной коллегии и сенатора — Василия Ивановича Суворова, занявшего губернаторский пост всего полмесяца назад.

Новый губернатор начал своё правление довольно необычно. Он представил всем кёнигсбергским жителям такое зрелище, какого они до того не видывали, и которое всех их премного удивило. А произошло следующее. На второй день принятия Суворовым должности, наступил праздник Богоявления господня, и губернатор решил показать жителям Пруссии всю красоту православного праздника Водоосвящения. По его приказу посреди города, на реке Прегель, напротив острова Кнайпхоф, было выбрано место, которое мог бы созерцать весь собравшийся люд. Там же во льду вырубили и украсили иордань³, а по всем берегам реки и острова были поставлены войска в парадной форме с распущенными знамёнами. Чуть поодаль иордани расположили пушечную батарею. Все эти приготовления привлекли несметное количество зрителей. Не только улицы и берега реки, но все окна и даже кровли ближайших домов и построек были заполнены восхищёнными горожанами. Крестный ход начался от церкви, находившейся от реки на расстоянии около полумили, и был возглав-

¹ Орден «Чёрного орла» — высший орден Королевства Пруссии. Фридрих II наградил им Петра III за то, что тот предал интересы государства Российского и аннулировал все завоевания русской армии в Семилетней войне

² После взятия Кёнигсберга русскими войсками в ходе Семилетней войны (1758) население Восточной Пруссии присягнуло на верность Елизавете Петровне. Генерал-губернаторство Восточная Пруссия оказалось в составе России.

³ Название проруби в водоёме, сделанной к христианскому празднику Крещения Господня для совершения обряда водосвящения.

лен архимандритом в сопровождении иных священнослужителей. Участвовал в шествии и сам губернатор со своими чиновниками, проделавший весь этот неблизкий путь пешком. В момент погружения креста в воду, раздалась пушечная пальба, а затем троекратный беглый огонь из ручного оружия всеми войсками, что произвело на присутствующих неизгладимое впечатление. После же завершения церемонии, губернатор не преминул угостить всех знатных людей города праздничным обедом...

Профессор Пауль Майбах являлся потомственным медиком. Так же, как его отец и дед, он был последователем школы великого Гиппократы и Авиценны. Сам же Пауль служил в кёнигсбергском университете – Альбертине, учил врачебному искусству студентов и успешно занимался практикой. «Не нужно быть важным, важно быть нужным!» – было его жизненным правилом...

О новом губернаторе профессор уже имел некоторые сведения – в Альбертине велись разговоры, как между преподавателями, так и в кругах слушателей – русских офицеров-артиллеристов, лекции которым читал приват-доцент Иммануил Кант. По сравнению с прежним губернатором Кёнигсберга, Николаем Корфом⁴, самолюбивым и взбалмошным вельможей, которого с трудом терпели его приближённые, Суворов был добр, внимателен и справедлив. Он избегал излишней пышности, был скромным и крайне трудолюбивым человеком, а вставал так рано, что в два часа пополудни бывал уже обычно одет и занимался делами. Того же он требовал и от подчинённых. Впрочем, кое-кто поговаривал о его якобы непомерной скупости, но эта черта характера здесь, в Пруссии не считалась пороком. За короткое время новый губернатор навёл порядок на угольных складах, наладил работу дополнительных хлебопекарен в Кёнигсберге, начал ремонт фортификационных сооружений Иерусалимского укрепления, выявил расхитителей овса со складов в Хаберберге. Знарок финансов, крепкий хозяйственник и честнейший человек, Василий Иванович тонко чувствовал и политические веяния. Всей своей деятельностью он старался показать, что Россия пришла в Пруссию всерьёз и надолго. А пруссаков не нужно было приучать к порядку. Им было достаточно только чувствовать крепкую, «железную» руку.

Спускаясь по винтовой лестнице, профессор одной рукой придерживался за натянутый канат, чтобы не упасть, а другой постоянно поправлял парик – волнение всё-таки овладело пожилым человеком. Сойдя вниз, он встретился лицом к лицу с гренадерским обер-офицером в тёмно-зелёном кафтане и епанче, припорошенной снегом. Рядом с русским, держа обеими руками подсвечник, стоял Петер Вурст. Судя по унылому взгляду слуги, старика совершенно не радовал визит вооружённых людей в дом профессора.

– Чем могу быть любезен господину офицеру? – спросил Майбах, пристально всматриваясь в усталое лицо молодого человека с грустными глазами. Тот слегка поклонился.

– Прошу извинить, господин профессор, за столь позднее вторжение, – немецкий язык гостя был безупречен, – но наш губернатор нуждается в вашей помощи.

– Он болен? Какая досада... – Майбах, казалось, был действительно неприятно удивлён недугом русского губернатора. – Петер, подай мою сумку с инструментами. Мне придётся ненадолго прокатиться в Замок. Уверен, я смогу помочь господину Суворову. – Профессор надел шляпу, накинул на плечи тёплый плащ и направился к двери. – Надеюсь, ничего серьёзного с нашим губернатором не произошло?

– Как вам сказать, – туманно ответил офицер. – С одной стороны, действительно, ничего страшного, а с другой – совершенно непонятная ситуация. Впрочем, Василий Иванович вам всё объяснит сам.

⁴ Николай Андреевич Корф (1710–1766) – генерал-аншеф, действительный камергер, сенатор, наместник Восточной Пруссии, генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.

Профессор обратил внимание на то, что офицер щеголяет в красных гамашах. Пауль Майбах не знал, что тот служил в Апшеронском полку, которому выдавались гамаша такого цвета в память о сражении при Кунерсдорфе⁵, поскольку полк дрался, «стоя по колено в крови».

...Жгучий морозный воздух ударил в ноздри, а мелкие снежинки тут же облепили лицо профессора. До Королевского замка, ставшего резиденцией губернаторов Пруссии, – рукой подать, но для известного в Кёнигсберге учёного и врача была снаряжена карета. Майбах забрался в неё и с удовольствием отметил, что внутри довольно тепло – в ногах стоял горшок с углями.

Пока ехали к губернатору, профессор подумал о том, как много перемен произошло в его родном Кёнигсберге за последние годы. Всему причиной – война, которую в 1756 году затеяли государства Европы – Пруссия и Англия – с одной стороны, Франция и Австрия, к которым в 1757 году присоединилась Россия, – с другой⁶. В январе 1758 года русские войска, не встретив сопротивления, овладели Кёнигсбергом. К тому времени боевые действия переместились далеко на запад. Фридрих II успешно противостоял французским и австрийским армиям, которые решили всю тяжесть кровопролитных сражений возложить на Россию. В 1759 году Фридрих II был наголову разбит при Кунерсдорфе. Путь на Берлин был открыт, до него оставался небольшой бросок, и война была бы завершена... Но фельдмаршал Салтыков, командовавший русскими войсками, в очередной раз был возмущён бездейтельностью союзников, их непониманием ситуации и нежеланием действовать сообща. «Раз так, – в сердцах воскликнул он, – то дальше воюйте сами!». И увёл свою армию в Восточную Пруссию. Фридрих, потерявший было надежды на спасение и уже мысленно распрощавшийся с короной и жизнью, это спасительное для него решение назвал «Чудом Бранденбургского дома». И воспрял духом. Тем не менее, в 1760 году русским отрядом Берлин был взят, правда, ненадолго. Прусский король сдаваться не собирался. Он вновь отмотобилизовал войска, и война продолжилась...

А здесь, в Кёнигсберге, было относительно тихо и спокойно. Город стал частью Российской империи, «оккупанты» чувствовали себя, как дома, да и пруссаки не ощущали себя поработённым народом. Работали рынки, лавки, магазины, порты, ещё более прилежно строились дома и дороги, не прекращались занятия в университете. Пожалуй, при русских жить стало даже привольнее, несмотря на то, что война всё-таки продолжалась. Наблюдая за своими беззаботными студентами, профессор понимал, что их более устраивала русская императрица, покровительствующая наукам и искусству, любящая театры, балы и веселье, чем прусский король, готовый поставить «под ружьё» всё население Европы.

Генерал-губернатор завоёванной части Пруссии, Василий Иванович Суворов и во времена Анны Иоанновны, и в царствование Елизаветы Петровны пользовался при Дворе особым вниманием и расположением. Был он и военным прокурором, вёл также и «гражданские дела», но, при этом, всегда стоял на страже интересов закона и казны.

С началом военных действий за границей Российской империи, Василий Иванович постоянно находился при русской армии. Императрица поручала Суворову проведение крупных денежных операций и относилась к нему с большим доверием. В июне 1760 года

⁵ В 1759 году под Кунерсдорфом русская армия, под командованием П. Салтыкова нанесла сокрушительное поражение войскам Фридриха II.

⁶ Семилетняя война 1756–1763 гг. Война между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией – с одной стороны, и Пруссией, Великобританией и Португалией – с другой. В ходе этой войны Пруссия в 1761 г. оказалась на грани катастрофы, но новый русский император Пётр III, сменивший императрицу Елизавету Петровну, заключил в 1762 г. союз с Пруссией. Взошедшая вскоре на русский престол Екатерина II союз расторгла, но войны не возобновляла и вывела все войска из Пруссии.

он был пожалован орденом св. Александра Невского, а в августе был назначен сенатором и должен был приехать в Санкт-Петербург, однако через месяц после высочайшего назначения вышел указ о его «невывозе из армии». Наконец, в декабре Суворов получил новое задание: «Отзывая нашего генерал-поручика Корфа из Пруссии, – говорила Елизавета Петровна в своём новом указе, – Всевысочайше восхотели мы определить вас на его место точно на таком же основании и с таким же жалованием, какое он получал. Почему и имеете вы немедленно в Кёнигсберг ехать и его сменить, а мы уверены пребываем, что вы и в сем новом poste с той же ревностью службу нашу продолжать станете, о которой мы всегда оказывали вам наше удовольствие и благоволение...»

– Ваше превосходительство, профессор Майбах доставлен по вашему приказу!

– Спасибо, Фёдор Кузьмич, – по-граждански поблагодарил обер-офицера Суворов, поднимаясь с кресла. – Извините меня, уважаемый профессор, – развёл руками генерал-губернатор, – что позволил себе пригласить вас в свои апартаменты в столь неурочный час...

Василий Иванович превосходно говорил по-немецки.

– Мы – врачи, – ответил, поклонившись Майбах. – И привыкли оказывать медицинское пособие в любое время. Дабы облегчить участь страждущего...

Так близко генерал-губернатора профессору ещё не приходилось видеть. Нестарый человек, лет пятидесяти пяти... Усталое овальное лицо с отпечатком боли и отчаяния, выразительные глаза, прямой нос, высокий, чуть выпуклый лоб, покрытый бисером пота... «Лихорадка?» – сделал первое предположение врач. Но, весь вид генерал-губернатора говорил о том, что его что-то гнетёт... Одет Суворов был в военный кафтан, поверх которого он накинул шинель для нижних чинов. В русской армии уже появилась эта новая форма одежды, взятая, как пример, из прусской армии. Однако в помещении было достаточно тепло, и шло оно, похоже, от подогреваемого пола. Впервые такая новинка в Королевском замке появилась ещё при герцоге Альбрехте⁷.

– Прошу вас, – генерал-губернатор сделал приглашающий жест к столу. – Я распорядился приготовить для вас, профессор небольшое... *regalade*⁸. Вам, привыкшим во многом отказывать себе, особенно во время войны, надеюсь, не помешает необременительный для желудка ужин?

– Простите, ваше превосходительство, – учтиво произнёс профессор Майбах. – Но я прежде всего ожидал увидеть здесь больного человека, которому необходимо моё искусство...

– Вы и видите его, профессор. Только услуга мне требуется не совсем медицинского характера. То есть, не столько медицинская, сколь... Впрочем, я вам всё сейчас объясню. А вы уж, не откажитесь отужинать со мной. Рекомендую начать с зайчатины...

– ...Поверьте мне, дорогой профессор, – произнёс Суворов после получаса спокойной трапезы, – что я не стал бы отрывать вас от ваших дел, если бы меня беспокоила... банальная мигрень. У нас тоже есть доктора, и они своё дело, я полагаю, знают.

– Но я уверен, что вас что-то серьёзно мучает, – осмелился возразить губернатору Майбах. – У вас – нездоровый цвет лица, хотя, отчасти тут играет роль неважное освещение... Обильная испарина... Ощущаете ли вы боли в области груди или живота? Насколько хорош ваш сон?...

⁷ Альбрехт Бранденбургский (1490–1568) – первый герцог Пруссии, бывший глава Тевтонского ордена.

⁸ угощение (фр.)

– Вообще-то, я здоровый человек и все недуги до недавнего времени счастливо обходили меня стороной, – улыбнулся генерал-губернатор, видя, с каким удовольствием профессор Майбах отрезает себе кусок ветчины. – По делам службы мне доводилось часто ездить. Я побывал во многих областях России, даже в Сибири. И всюду чувствовал себя вполне сносно. Но здесь, на меня словно навалилось... нечто невообразимое... Боли здесь, – он указал на брови, – и здесь, – он потёр ладонью скулы. – Боли в груди и плечах, в низу живота и в спине, которые появляются ночью и проходят к утру... Но это не столь важно, – тут он нахмурился и замолк.

Профессор прекратил жевать, всем своим видом показывая, что он внимательно слушает собеседника.

– У меня стали появляться видения, – тихо промолвил Суворов, – словно нехотя выдавливая из себя каждое слово. – Причём, я вижу их настолько явственно, что начал думать, уж не схожу ли с ума? Поэтому, будучи наслышан о вас, дорогой профессор, как о человеке, сведущем не только в обычных хворях, но и тех, которые можно отнести к... непонятным, необычным и вызванным душевными расстройствами, я решил попросить помочь мне преодолеть эту болезнь.

Говоря это, генерал выглядел совсем растерян и даже испуганно.

Несколько минут Майбах молчал, сосредоточенно разглядывая висящие на стенах картины итальянских мастеров, стоящие на столике рядом статуэтки Пресвятой Девы Марии и апостолов, на доспехи и оружие, развешенное на фламандских гобеленах...

– Боли, – наконец, ответил Майбах, – можно унять... а вот видения... И когда это у вас началось?

– Совсем недавно, – ответил Василий Иванович. – Не более недели назад. Сначала наступают боли, они постепенно перемещаются по всему моему телу сверху вниз... А следом... Приходят тревожные, словно чужие, мысли... Это сложно объяснить, и ещё труднее пережить... Иногда мне кажется, что я должен лечь и уснуть... Надолго... На годы. А может, и до конца своих дней... Затем, я начинаю замечать, как оживают вот эти статуэтки, – он кивнул на фигурки Девы Марии и апостолов, – и раскачиваются деревья на картинах и гобеленах... Они словно шепчут, что всё закончится лишь тогда, когда я покину свой пост. Я стал бояться приближения ночи, своих покоев и этих мыслей...

Профессор слушал и молча покачивал головой.

– Захар! – позвал Суворов денщика. – Поддай-ка нам чаю, голубчик!

– Сию минуту, ваше превосходительство. Самовар уже готов!

– И это происходит каждый божий день, вернее – ночь, – дрогнувшим голосом закончил генерал-губернатор. – Я вижу, вы задумались. Уж не считаете ли вы, что я действительно схожу с ума? Или это такой недуг, о котором мы просто не знаем? Можно ли его вылечить?

– Прошу вас успокоиться, ваше высокопревосходительство, – промолвил пожилой доктор, исследовав пульс губернатора. – Я уверен, что вы находитесь в полном рассудке и... в добром здравии. Но есть одна серьёзная проблема, имя которой – страх... Но страх непростой, поскольку он навеян извне.

Услышав такое обидное для офицера слово, генерал грозно вскинул брови.

– Возможно, то, что я сейчас вам говорю, весьма неприятно, господин губернатор, – спокойно продолжал Майбах, – но никто вам этого не скажет, кроме меня. Страх – самое сильное человеческое чувство и он, действительно, может довести человека до безумства. Насколько прочно за столь короткое время он укоренился в вас, говорят и ваши боли. Например, плечи символизируют у человека силу, а также ответственность, поэтому здесь селится страх показаться слабым... В груди гнездится страх потери близких, а в животе появляется страх в ситуациях угрозы для жизни, недаром они слова одного корня... Но ваши страхи – всего лишь следствие. Всё, что вы мне описали, очень похоже на... колдовство или сглаз. У

нас, в Кёнигсберге за мастерами насыпать такие, как вы изволили выразиться, «хворобы», с фонарями и собаками бегать не надо. У нас тут народились целые поколения магов и чернокнижников, за которыми нужно приглядывать очень строго... Если вы не будете возражать, я бы хотел осмотреть ваше... платье... Ту одежду, в которой вы обычно появляетесь на приёмах...

– Захар! – вновь обратился Суворов к денщику, который водрузил на стол пузатый блестящий самовар. – Принеси мой парадный мундир.

И, обращаясь к Майбаху, с грустной улыбкой изрёк:

– Я давно понял, уважаемый профессор, что получаю, пожалуй, больше полезных уроков от тех людей, которые со мной не согласны и готовы спорить, пробуждая тем мою собственную мысль, чем от единомышленников или подхалимов...

Что-то изменилось в глазах генерал-губернатора. Теперь он уже не выглядел таким потерянным, каким казался в начале разговора. Стараясь развить свой «врачебный успех», профессор продолжил:

– Вы – слишком заметная и значимая фигура в Пруссии, ваше высокопревосходительство. А у таких людей достаточно много недругов. Да взять бы к примеру... короля Фридриха... Сейчас он пойдёт на любые ухищрения, чтобы избежать поражения в войне...

– Вы думаете, что он собирается привлечь на свою сторону чернокнижников?

– Я убеждён в этом, ваше высокопревосходительство. К тому же сам Фридрих является масоном. А эта организация не гнушается ничем... Впрочем, сейчас мы в этом убедимся.

Захар принёс чистый, выглаженный мундир генерал-губернатора. На нём, кроме иных наград, красовался орден св. Александра Невского.

– Вы позволите мне осмотреть его? – ещё раз спросил Майбах.

– Конечно, дорогой профессор. Но что вы собираетесь найти?

Кафтан генерал-губернатора не отличался особой роскошью. Да, дорогое сукно и хороший покрой. По краям и по борту он обшит золотым галуном, пуговицы были тоже золочёные. Они весело поблёскивали в свете свечей.

– Обычно, в кафтан, в самое укромное место втыкают булавку, – пробормотал профессор, тщательно ощупывая дорогое сукно.

– Посмотрите в обшлагах рукавов, – посоветовал Суворов, внимательно наблюдая за действиями Майбаха.

С нескрываемым интересом, раскрыв рот, за каждым его движением следил и денщик генерал-губернатора.

– Захар, разливай чай...

– Вот! – наконец, воскликнул профессор, демонстрируя Суворову и его денщику длинную блестящую шпильку с шестиконечной звёздочкой на конце.

– Ах, *quelle mauvaise surprise*⁹! – восторгнулся губернатор.

– Дьявольская, прости господи, штукавина, – перекрестился Захар, с испугом глядя на безобидный с виду предмет.

– Вы считаете, что это и есть причина моих... страданий? – усмехнулся Василий Иванович.

– Убеждён, ваше высокопревосходительство. Видите, на конце шпильки имеется шестиконечная звезда? Это – масонский символ. В вашем окружении имеются масоны? Я слышал, что в русской армии тоже есть члены этой ложи...

Суворов был вынужден признать, что он лично знает нескольких офицеров гвардии, которые являются масонами. Но вслух он ничего не сказал. Однако было крайне неприятно

⁹ какой неприятный сюрприз (фр.)

сознавать, что в числе окружающих тебя людей, *среди* высоких чиновников или блестящих офицеров таится жестокий и беспощадный враг.

– Ну вот, ваше высокопревосходительство, я свой долг выполнил, – торжественно произнёс и поклонился профессор Майбах. – Надеюсь, что вы скоро забудете о терзавших вас кошмарах.

– Сам бог послал мне вас, дорогой профессор, – воскликнул Василий Иванович и обнял врача. – Захар, наливочки нам! Вишнёвой! И непременно – ветчины!

– Не стоит благодарности, – улыбнулся профессор. – Вы бы, ваше высокопревосходительство, посетили наш университет! Нашу Альбертину... Я там покажу вам кое-что интересное...

Глава 2. «Улыбка Люцифера»

«Пресветлейшая, всеильная Государыня, Самодержица всея Руси, всемилостивейшая Государыня и великая жена! Вследствие смерти покойного доктора и профессора Кипке, должность Professioordinario логики и метафизики, которую он занимал в здешнем Кёнигсбергском университете, стала вакантною. Эти науки всегда составляли главнейший предмет моих занятий. В продолжение тех лет, что я находился в здешнем университете, я каждый семестр читал обе эти науки на частных уроках. Я имел в этих науках две публичные dissertationes и, кроме того, стремился ознакомить своих коллег с результатами моих работ в четырёх статьях, помещенных в кёнигсбергском учёном сочинении (Intelligenzwerk), в трёх программах и трёх других философских tractata. Надежда, с которой я льщу себя посвятить службе Академии наук, а главным образом всемилостивейшее желание Вашего Императорского Величества оказывать наукам высокое покровительство и поддержку, побуждают меня всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество пожаловать мне освободившуюся professionemordinariam, и надеюсь, что senatusacademicus, ввиду обладания мною необходимыми способностями, сопроводит мое всеподданнейшее прошение благоприятными свидетельствами. Я уверяю в моей глубочайшей devotion (преданности) Вашему Императорскому Величеству, всеподданнейший раб, Иммануил Кант. Кенигсберг, 14 декабря 1758 г.»

– Два года назад известный всей Европе Иммануил Кант попросил нашу государыню о предоставлении ему вакантного места профессора логики и метафизики в Альбертине, – произнёс профессор Майбах.

Губернатор Суворов по приглашению врача и учёного нанёс визит в кёнигсбергский университет для того, чтобы лично познакомиться с профессурой и обстановкой, царящей внутри знаменитого учебного учреждения, а также с хозяйственными и финансовыми проблемами последнего. Однако, в связи с неофициальностью пребывания генерал-губернатора в Альбертине, никакого эскорта вблизи него не было, и излишнего ажиотажа вокруг высочайшей персоны не возникло. Профессор Майбах сопровождал Суворова, показывая ему всё, вплоть до помещений студенческой ночлежки. Сейчас они следовали из кабинета ректора, в котором оставили озадаченного Эрнста Бирона составлять прошение на финансирование университета в текущем году.

– ... Хотя, – продолжал учёный доктор, – за три года до этого он клялся в признательности и любви к «всемогущему королю и повелителю» Фридриху II.

– Что ж, – усмехнулся Суворов, – это так свойственно философам – созерцать мир, анализировать факты и вникать в суть вещей, а затем... всё пересматривать, подвергать свою точку зрения сомнению и вовремя переходить на другие позиции.

– Пожалуй, – согласился с ним Майбах, – в этом и заключается настоящая мудрость.

– И что же, получил Кант эту должность?

– Увы. Его прошение попало к губернатору Корфу, вашему предшественнику... А в его канцелярии, насколько мне известно, было много хватких и знающих людей – секретарей, писарей, копиистов... только хорошего переводчика не было... А сам губернатор, по-русски, извините... изъяснялся с трудом. Понимать – понимал, но не писал... Вы, ваше высокопревосходительство, не удивляйтесь, что мы осведомлены о таких... деликатных деталях, но правду не скроешь... Переводил ему некий поручик Болотов, весьма любознательный юноша, симпатизирующий философским воззрениям, царящими в нашем университете...

Генерал-поручик Корф... Суворов вспомнил, с какой радостью встречали его, нового губернатора, офицеры, и как сдержанно отзывались они о его предшественнике. Вспомни-

нали и шумные, пышные торжества, которые так любил организовывать Корф, его известную на весь город любовную связь с графиней фон Кейзерлинг, в честь которой российский генерал-губернатор Пруссии не пропускал случаев задать бал или устроить маскарад. Николай Корф был из прибалтийских немцев. Он не отличался благожелательностью к русским, имел крутой нрав, часто и непомерно бранил подчинённых, невзирая на их чины и заслуги. В ответ он не снискал себе ни любви, ни уважения, а одну лишь неприязнь.

– Андрей Болотов... Я знаю сего достойного молодого человека, – кивнул Василий Иванович. – Что же, он разделяет взгляды Канта?

– Напротив, сей офицер посещает лекции кантовского оппонента, Вейманна. А кроме университетских лекций почти ежедневно берёт у него частные уроки. Я не знаю, приложил ли поручик свою руку к прошению Канта..., но оно так и осталось без ответа.

– Кто же занимает эту должность сейчас?

– Профессор Фридрих Иоганн Бук, ваше высокопревосходительство.

– Так вы что, господин профессор, подозреваете нашего офицера в том, что он мог... отложить в «долгий ящик» прошение Иммануила Канта к нашей императрице о предоставлении ему должности профессора?

– Ни в коем случае, ваше высокопревосходительство, – поспешил с ответом Майбах. – Поручик Болотов вызывает самые добрые чувства. Ведь это именно он привёл в наш университет группу своих сослуживцев в качестве вольнослушателей! К тому же, я уверен, что он весьма далёк от наших университетских дрызг... Кстати, – указал взглядом в направлении вышедшего из аудитории худощавого человека невысокого роста, профессор Майбах, – это и есть Иммануил Кант. Ни на секунду не отступает от заведенного им много лет назад строгого распорядка. Студенты по нему сверяют свои часы. Говорят, что он подчинил себе время! – добавил учёный шёпотом.

– Надо будет непременно с ним познакомиться, – проговорил Суворов, провожая взглядом известного философа. – Кто знает, возможно, в конце жизни я с гордостью скажу своим внукам, что беседовал с самим Кантом...

– Обязательно, ваше высокопревосходительство. А ещё я бы вам порекомендовал ближе познакомиться с медицинским персоналом нашего университета. Например, с Анджеем Орловским. В этом году он, надеюсь, станет доктором медицины.

– О-о, – рассмеялся Суворов, – перед медиками Альбертины я теперь в неоплатном долгу!

– А сейчас, ваше высокопревосходительство, я покажу вам нашу гордость – университетскую библиотеку! Точнее, не саму библиотеку, для её осмотра нам понадобится бы целый день, а небольшой архив. По хранящимся в нём ценностям вы сможете судить о великолепии и самой библиотеки! Но для этого нам потребуется спуститься в подвальное помещение... Прошу вас...

Кёнигсбергский университет располагался на острове Кнайпхоф, на северо-восточной его окраине. «Пора расширять академию, – подумал Пауль Майбах, – старое здание Альбертины уже не вмещает такого количества студентов, которое, кстати, давно перевалило за тысячу»...

Крутая лестница вела вниз. Не без труда преодолев высокие ступени, профессор Майбах и губернатор Восточной Пруссии оказались перед окованной железом дверью. Толкнув её, учёный вошёл в просторное помещение, доверху заставленное стеллажами с книгами. В центре находился широкий стол, за которым сидел пожилой служащий архива кёнигсбергской библиотеки. Возле его правой руки находились пенал с перьями и чернильница. В лежащую перед сиденьем архивариусом толстую книгу тот старательно вносил какие-то записи.

– Приветствую тебя, дружище Герхард! – весело поздоровался со служащим профессор Майбах. – Как твои почки, больше не беспокоят тебя?

– Иногда пошаливают, господин профессор, – оторвавшись от работы и почтительно встав со своего места, промолвил архивариус. – Особенно при смене погоды... Но, как говорится, жизнь жалует тех, кто на нее не жалуется.

– А надо меньше пить альтштадское пиво, дружище! Подай-ка мне, Герхард, ту самую книгу, которую я просил тебя запрятать подальше и никому не показывать!

– Вы о том старинном фолианте, господин профессор? Сейчас принесу... А насчёт пива, то я хорошо помню ваше предостережение... Да разве ж откажешься? Иной раз, и не захочешь, а вольёшь в себя кружку-другую... – Старик вышел из-за стола и, слегка прихрамывая, направился в дальний угол комнаты.

– М-да, впечатляет, – произнёс Суворов, оглядев книжные полки, аккуратно заставленные различной толщины фолиантами.

– Вы знаете, что меня удивило, ваше высокопревосходительство? – спросил Майбах, искоса поглядывая на генерал-губернатора. – Когда русские войска вошли в Кёнигсберг.

– Что же? Численность? Бравый вид гренадёров и драгун?

– И это тоже... Впрочем, – улыбнулся профессор, – подобное любопытство захватило не только меня – тысячи горожан лезли на крыши и едва держались на карнизах и кровлях... Граф Фермор¹⁰ тогда вошёл через Королевские ворота и следовал по Кёнигштрассе... Стройные ряды солдат и офицеров, все подтянутые, уверенные в себе... Хотя, мы поначалу опасались... казаков и этих... – Майбах задумался, – ...калмыков... Иначе говоря, варварских орд из России, которые несут смерть европейской цивилизации и науке... А некоторые горожане со страхом наблюдали, как русские квартирмейстеры рыскают по районам Росгартена, Юдиттена, Закхайма в поисках жилья для офицеров...

– Так что же вас удивило, дорогой профессор? – усмехнулся Суворов.

– То, что русские офицеры бросились покупать книги! Конечно, кое-кто не миновал наших кёнигсбергских увеселительных заведений, но нас потрясла тяга к знаниям других, к самосовершенствованию... Тот же поручик Болотов, например, накупил целую сумку философских книг у моего знакомого торговца Кухе... А потом привёл своих товарищей к нам в университет! А в России есть университеты, ваше высокопревосходительство?

– Да, дорогой профессор. В Санкт-Петербурге действует Академический университет, в Москве – Императорский¹¹...

– Вот видите... Я уверен, что приди к нам любая другая армия, например, французская или австрийская, господа офицеры не побежали бы покупать книги, а начали грабить лавки и насиловать женщин. Значит, Кёнигсберг открыл свои ворота не ордам варваров, как сейчас многие считают в Европе, но цивилизованной империи с сильнейшей в мире армией! Поэтому мы не испытываем ненависти к русским, радушно принимаем их в своих домах и по доброй воле приняли присягу на верность русской императрице.

– Вы правы, профессор, но, боюсь, что спустя какое-то время, наши враги станут вновь распускать слухи и о варварах, и о калмыках, и о загубленной культуре Пруссии...

– Вот, – наконец, появился архивариус с толстой книгой в кожаном переплёте. Он положил фолиант на стол, достал кисточку из конских волос и тщательно смахнул с обложки многолетнюю пыль.

– Вот то, что я собирался вам показать, ваше высокопревосходительство, – шёпотом произнёс профессор Майбах. – На эту книгу я наткнулся совершенно случайно, но, просмотрев её, понял, что этот фолиант нужно держать под семью замками!

– Отчего же?

¹⁰ Граф Виллим Виллимович Фермор (1702–1771) – русский государственный и военный деятель, генерал-аншеф. Во время Семилетней войны командовал русской армией при Цорндорфе. Генерал-губернатор Смоленска.

¹¹ Санкт-Петербургский Академический Университет – занятия начались в январе 1726 года. Московский университет основан в 1755 году.

– Взгляните на название.

– «Улыбка Люцифера», – прочитал Суворов. – Что это?

– Это книга о масонской магии. Её написали известные алхимики и астрологи. Все они – масоны. Вы видите, среди авторов имена Рене Декарта, Тихо Браге, Исаака Ньютона, Баруха Спинозы, Элиаса Эшмола, Джона Ди...

– И что?

– Возьмите её, ваше высокопревосходительство. Изучите. Здесь описаны тайные ритуалы масонов, способы проникновения в масонские ложи и пути продвижения по ступеням к высшему пьедесталу. Раз вами заинтересовались масоны, у вас самих в руках должны быть ключи к этой организации! Своего врага следует хорошо узнать.

– Господин профессор, – подал голос педантичный архивариус Герхард. – Если вы намерены забрать эту книгу с собой, извольте отметить в моём грессбухе!

Вечером того же дня, поужинав и отдохнув в своей резиденции, Василий Иванович принялся писать отчёт императрице Елизавете Петровне. Так уж было у него заведено. В отчёте, среди прочих сведений, касающихся преимущественно хозяйственной деятельности, губернатор уделил большое внимание кёнигсбергскому университету. Он написал о том, как устроена Альбертина, что за науки в ней преподаются, какие учёные и по каким направлениям ведут в ней свои исследования. Парой слов обмолвился он о делах студентов, прибывших на обучение из России. Не забыл Василий Иванович упомянуть о прошении, которое подавал на Её Августейшее имя известный философ Иммануил Кант, и о том, что оно так и не дошло до адресата.

Потом задумался. Можно было бы найти место Канту и в одном из российских университетов. Раз хочет быть профессором, то пусть им станет... По его мнению, это бы подняло престиж российской науки...

– Захар, – позвал Суворов денщика. – Сделай-ка чаю, голубчик. Но сначала помоги мне снять кафтан... Да осмотри его, не ровен час, опять что-нибудь подсунули, черти...

Рядом на столе лежала та самая книга, которую рекомендовал ему профессор Майбах. Губернатору не терпелось полистать её. Но сначала нужно отписаться императрице.

А тут распахнулись двери.

– Ваше высокопревосходительство, – доложил адъютант генерал-губернатора поручик Иван Хитрово. – К вам – гонец из Санкт-Петербурга!

– От императрицы? – оживился генерал.

– Никак нет, ваше высокопревосходительство. От его сиятельства графа Шувалова.

– Зови.

Через минуту он уже вскрывал пакет, который гонцу строжайше было велено передать адресату лично в руки.

«Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Василий Иванович, – писал глава Тайной Канцелярии Российской империи. – Очень надеюсь, что пребываете вы в Кёнигсберге в добром здравии и с честью выполняете все поручения нашей матушки, Пресветлейшей императрицы Елизаветы Петровны...»

«Ах, Александр Иванович, – подумал Суворов. – Всё-то вы о государственных делах печётесь...»

Граф Шувалов – действительный камергер, начальник канцелярии тайных розыскных дел, лейб-компания поручик, генерал-аншеф, сенатор, член конференции... Придя на смену Ушакову¹², он действовал теми же методами, что и его предшественник, наводя «ужас и страх

¹² Александр Иванович Шувалов (1720–1771) – доверенное лицо Елизаветы Петровны и Петра Фёдоровича, камергер,

на всю Россию»¹³. Кому ещё, как не ему, начальнику Тайной Канцелярии, заботиться о безопасности Империи и лично государыни?

«Александр Шувалов не сам по себе, а по должности, которую занимал, был грозой всего Двора, города и всей Империи; он был начальником инквизиционного суда, который звали тогда Тайной Канцелярией. Его деятельность вызвала у него, как говорили, род судорожного движения, которое делалось на всей правой стороне лица, от глаза до подбородка, всякий раз, как он был взволнован радостью, гневом, страхом или боязнью», – писала о нём великая княгиня Екатерина.

Положение графа Шувалова при Дворе было крепким. Оно ещё более усилилось в 1749 году, когда фаворитом императрицы стал двоюродный брат Александра Ивановича – Иван Иванович Шувалов. К тому же, к нему благоволил и сам наследник Пётр Фёдорович.

Граф сообщал, что учинил дознание и сыск по делу о тайных масонских ложах. «Сии ложи учредились и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Они вовлекают в себя умных и образованных людей, дабы те нашли в масонстве своих тайных покровителей и руководителей, кои впоследствии будут диктовать свою волю этим людям, заимевшим к тому времени высокие посты в армии и при Дворе...»

Да, самым скверным было то, что среди этих «умных и образованных людей» состояло немало офицеров! Но то, о чём дальше сообщал ему Шувалов, было ещё более неожиданным и страшным!

«Король Фридрих, претерпевший несколько крупных конфузий от нашей армии и пребывающий оттого не столь в унынии, сколь во гневе и ярости, задумал вывести Россию из войны, замыслив злодейство против нашей Пресветлейшей императрицы. Он решил, что, буде, Елизавета Петровна умрёт, то на престол взойдёт Пётр III, с коим ему, Фридриху, станет сговориться куда сподручнее...»

Далее Шувалов писал, что масоны, к коим принадлежал и король Пруссии Фридрих II, задумали убить императрицу. С этой целью в масонскую ложу города Кёнигсберга «Три короны» прибыл тайный посланец, масон, маг и колдун, способный умертвить человека без помощи ножа или яда.

«Найдите достойного и надёжного человека, – закончил своё послание граф, – и тайно внедрите его в ложу сию. Пусть он обнаружит злодея, а тот, коли поедет в Санкт-Петербург, уж будет находиться под нашим неусыпным оком».

Суворов снял парик и только сейчас ощутил, как сильно вспотел. Книга под названием «Улыбка Люцифера» лежала перед ним, чужая, холодная и мрачная. Больших усилий стоило Суворову не сбросить её на пол.

«Так вот, значит, что... – подумал генерал-губернатор. – Стало быть, опасность угрожает нашей императрице. И исходит она отсюда, из Кёнигсберга... Из какой-то масонской ложи... Уничтожить сие осиное гнездо!..» Но, поразмыслив, решил, что разгром масонской ложи в центре Европы, где этих лож – как пескарей в Москве-реке, грозит нешуточным скандалом. А пока ещё идёт война... Тут можно не только лишиться союзников, но и настроить их против себя... Нет, тут следует действовать деликатнее... Прав граф Шувалов, надо разыскать злодея, запомнить его имя и лицо, а уж там, вблизи императрицы, всегда найдётся способ обезопасить её от козней Фридриха. А хорошо бы свернуть шею этому тайному посланцу ещё на пути в Санкт-Петербург...

– Неси чаю, Захар!

Но кого же откомандировать в эту чёртову ложу? Вокруг – достаточно преданных офицеров, прошедших огонь и воду, но не каждого пошлешь... Тут мало одной храбрости

начальник Тайной Канцелярии, генерал-фельдмаршал, сенатор.

¹³ слова Екатерины II

и отваги, тут нужен тонкий ум и сметливость... Болотов? Нет, тот слишком уж философ. А здесь нужен не только храбрый и решительный человек, даже не тот, кто может трезво рассчитывать ситуацию и мгновенно принимать правильные, обдуманные решения... Тут нужен человек, обладающий интуицией, который может предвидеть развитие событий... Кто же он? Где и как его найти?

Глава 3. У Елизаветы Петровны

Поздней осенью 1760 года, когда в порт прибыл очередной корабль из Франции, первой, кого оповестили об этом событии, как всегда, оказалась императрица. Она тут же послала на борт судна своих приближённых, чтобы придворные модницы (в первую очередь, госпожа Нарышкина, а во-вторую – госпожа Румянцева) не успели перехватить великолепные парижские ткани или косметику. К её удивлению, посыльные привели с собой немолодого, но весьма привлекательного француза, который, галантно поклонившись, доложил, что привёз большое количество мануфактуры для столичных красавиц. Имея рекомендации от известных поставщиков подобной продукции ко Двору Её Величества, он осмелился предстать перед Нею лично и предложить свои скромные услуги. С французским ювелиром и галантерейщиком следовал целый воз багажа. В сложенных тюках, помимо всего прочего, имелись лёгкие, пушистые парики, отличные тени для глаз и краски для волос, причём, много светлых с различными оттенками. Но, самое главное – француз привёз с собой ювелирные украшения.

Императрица разрешила поселиться месье Боку у неё во флигеле в Царском Селе, но при условии – никакой торговли временно не открывать.

– Сначала я сама присмотрю себе что-нибудь по вкусу, – добавила она, кокетливо улыбаясь. – А затем пусть выбирают другие...

– В свете вашей *beauté et charme*¹⁴, – ответил француз по-русски, но с заметным акцентом, – любая из моих безделушек меркнет. Но, я надеюсь, что они воссияют в лучах красоты Вашего Величества! – И поклонился.

Елизавета Петровна милостиво улыбнулась. Она сама знала, что недурно выглядит.

– Я поставлю в известность о вашем прибытии посла Франции в России барона де Бретея.

Наряды императрица любила. Одних платьев у неё было более десяти тысяч, и каждое новое сидело на ней как нельзя лучше. На ювелирные украшения и красивые ткани дочь Петра смотрела с нескрываемым восхищением. А к драгоценностям Елизавета относилась трепетно.

Однако, не только гардероб, косметика и золотые безделушки интересовали императрицу. Её слово в европейской политике имело существенный вес и многие события, происходящие в России, так или иначе отзывались потом в Европе. Будучи настойчивой и бесстрашной женщиной, она привыкла добиваться успеха, преодолевая любые препятствия.

Военная кампания 1760 года не принесла сколько-нибудь существенных результатов. Берлин побывал в руках русских (правда, недолго), «Старый Фриц», как во всей Европе называли Фридриха II, был занят поисками денег на комплектование своей армии, численность которой за последние два года значительно сократилась. Русские войска перешли на «зимние квартиры». Казалось, ещё немного – и европейская бойня, названная впоследствии Семилетней войной, закончится. К слову – она уже надоела всем «до чёртиков».

При Дворе Её Величества тоже не всё было гладко. Россия, как и другие державы, изрядно поиздержалась за военную кампанию. Экс-канцлер Бестужев, после инцидента в августе 1757 года, провёл под арестом 14 месяцев и в апреле 1759 года был сослан в своё имение Горетово. А дело заключалось в следующем. 8 августа 1757 года Елизавете стало дурно в церкви в Царском Селе. Был праздник Рождества Богородицы. Внезапно импера-

¹⁴ красоты и обаяния (фр.)

трица начала задыхаться. Выйдя из храма, чтобы подышать свежим воздухом, она сделала несколько шагов и рухнула на землю, потеряв сознание. Прибывший врач пустил ей кровь, но в сознание так и не привёл. Некоторое время никто не знал, что с императрицей. Ходили слухи, что она пришла в сознание, но помутилась рассудком. В те времена к внезапной смене власти нужно было быть готовым. Вот и Бестужев начал действовать заблаговременно. Он послал гонца к командующему русской армией фельдмаршалу Апраксину с требованием вернуться в Санкт-Петербург. К тому же он тайно встретился с великой княгиней Екатериной и обсудил с ней сложившуюся ситуацию... Но Елизавета выздоровела, весть о том, что армия, вместо того, чтобы идти к Кёнигсбергу, повернула обратно, была встречена ею с негодованием. Над Бестужевым сгустились тучи. Всё, казалось бы, было ясно: императрица находилась при смерти, готовилась смена престола, канцлер позаботился о том, чтобы армия была рядом, а великая княгиня уже получила его инструкции... Всё это в целом вполне тянуло на смертную казнь. Но, порочащие его бумаги Бестужев успел уничтожить и версия о государственной измене не подтвердилась. Поэтому экс-канцлер так легко и отделался.

Итак, талантливого и опытного государственного деятеля А.П. Бестужева-Рюмина, сейчас при Дворе не было. Теперь финансовыми делами занимался граф Воронцов. Но политическая стабильность в России, наступившая с приходом Елизаветы Петровны на престол, благотворно влияла на экономическое развитие страны и облегчала ситуацию.

Другой, не менее важный вопрос – о престолонаследии. Дочь Петра боялась смерти и старалась не думать о ней. Но она являлась государственным деятелем и должна была позаботиться о том, кому достанется престол после её кончины. Своего племянника Петра Фёдоровича императрица в качестве преемника не рассматривала. Напрасно она надеялась, что с годами он «поживёт, да выправится». Он так и остался взбалмошным, глупым мальчишкой, любителем злых, вздорных шуток, деревянных солдатиков и имеющим Фридриха в кумирах. Великий князь так и не научился чисто говорить по-русски, не раз высказывал своё неудовольствие: «Зачем вы привезли меня в эту грязную Россию?» и открыто грозил расправиться со своей супругой Екатериной Алексеевной, как только взойдёт на престол. Её место была готова занять фаворитка Петра – Елизавета Воронцова.

Императрица долго присматривалась к великой княгине. Да, умна, начитана, своенравна, хоть и голштинка¹⁵, но русский язык выучила быстро, приняла православную веру. Девочка – себе на уме, целеустремлённая и расчётливая. Интересно, каким бестужевским «инструкциям» она следует?... Хотя, наследника Екатерина, всё-таки, Петру подарила. Павла. И пусть, при дворе судачат, что Пётр Фёдорович – не его настоящий отец... Ребёнка императрица сразу забрала к себе, разрешив матери видаться с ним лишь изредка и по её, государыни, разрешению.

С рождением сына отношения между молодыми супругами окончательно разладились. Каждый из них жил своей жизнью и ненавидел свою «вторую половину».

Царское Село стало любимым местом проживания императрицы. Строительство Нового Зимнего дворца ещё не закончилось, старый же был деревянным, а Елизавета опасалась пожара. Поэтому дочь Петра частенько выезжала в Царское Село, привозя с собой шумную толпу придворных дам и кавалеров. Они расселялись по комнатам, в каждой из которых помещалось до пяти дам, не считая горничных. Жизнь в этом «общежитии» была ключом: сплетни, склоки, ссоры случались ежедневно. Карточная игра и... больше ничего. Даже уезжать в город и принимать гостей придворным не разрешалось. Сама Елизавета Петровна жила, уединившись в своих покоях, неделями не появляясь на публике. Здесь, на первом этаже она сидела, задумчиво глядя на сад, в котором запрещено было находиться всякому, иногда развлекая придворных обедами или ужинами. Последние, кстати, могли проходить

¹⁵ Голштиния – историческая область в Германии, часть Пруссии.

глубокой ночью. Разбуженные придворные, зевая, садились за стол, но, помня о некоторых запретных для бесед темах, не знали, чем занять императрицу, поэтому зачастую молчали и этим невольно обижали её.

Елизавета Петровна любила театр. Она с удовольствием смотрела пьесы, особенно, трагедии Сумарокова с русскими актёрами. Иногда не только игра актёров, но и внешний вид их вызывал у неё определённый интерес. Так повезло оказаться в фаворитах у императрицы Никите Бекетову. Впрочем, распущенности в отношениях с мужчинами дочь Петра себе не позволяла.

В царствование Елизаветы Петровны у каждого на слуху была фамилия «Шувалов». Братья Шуваловы сыграли заметную роль в истории Российской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.